

В Башне Слушания Лебедей вовсю бурлила жизнь — набор новых людей шел полным ходом. Хань Хэну тоже было не до безделья, и все дни напролет он проводил там, лично контролируя процесс.

— Людей мы набираем самых разных, и у каждого должна быть своя стезя, — рассуждал Хань Хэн, передавая свежие нотные записи Му Жаню. — Смотри: помимо обычных танцовщиц и музыкантов, выступающих на сцене, на недавно открытой Террасе Отдыхающих Журавлей нам понадобятся исполнители песен под цветочный барабан. А Павильон Развеивания Праха мы сделаем доступным для простого люда — там гости смогут подпевать и пускаться в пляс вместе с артистами. Тут мастерство музыкантов и певиц уходит на второй план, куда важнее их обходительность и умение угодить клиенту.

Он выложил перед собеседником еще одну бумагу:

— Вот эти мелодии музыканты из Павильона Развеивания Праха должны вызубрить назубок к концу месяца — тогда мы его и откроем. А это прейскурант. Слева — перечень услуг, а тарифы справа заполни сам. В конце концов, ты здесь хозяин.

Му Жань мазнул взглядом по листку, а затем с ленивой усмешкой посмотрел на Хань Хэна:

— Уж кто-кто, а ты в вопросах наживы любому нос утрешь. Почему бы тебе самому всё не посчитать?

— Потому что полноправный владелец здесь ты, а я лишь твой скромный помощник, — отшутился Хань Хэн.

На самом деле он плохо знал расценки столичных заведений подобного толка, так что доверить это дело хозяину Башни было самым разумным решением. Последнее представление на воде произвело в столице настоящий фурор: горожане только и делали, что судачили о небывалом зрелище, а слухи о закрытом празднике в саду Башни Слушания Лебедей лишь распаляли любопытство. Шутка ли — приглашения получили всего сто человек, причем из числа тех, к кому в обычные дни и на порог не попадешь. Теперь всем не терпелось узнать, какими чудесами заманило к себе капризную знать это овечье легендами заведение. Поговаривали даже, будто Башня с её вековой историей в прежние времена служила тайным прибежищем шпионов, собиравших компромат на чиновников для самого основателя династии.

— Оставь, загляну на досуге, — лениво проронил Му Жань.

Его длинные изящные пальцы слегка постучали по столешнице, а он затуманенно посмотрел в окно. Буквально в десяти шагах от них, на раскидистой ветви дерева, примостился паренек в темно-синем халате. Дин Му, вооружившись длинным бамбуковым шестом, как раз прицеливался, чтобы ловким ударом сбить свитое прямо над его головой птичье гнездо.

Хань Хэн выглянул в окно и, мгновенно всё поняв, хмыкнул:

— Оставил бы ты мальчишку в покое. Негоже портить юную жизнь.

— Много ты понимаешь, — фыркнул Му Жань.

Он зажал в губах мундштук курительной трубки. Он глубоко затянулся, выпуская облако густого белого дыма, и сладостно зажмурился. Во взгляде его появилось полусонное, мечтательное выражение.

— Он — мой. И точка.

— Твой, твой, кто спорит, — примирительно поднял руки Хань Хэн. — К слову, на групповой танец кто-нибудь дельный откликнулся?

— Почем мне знать? Я делами не занимаюсь, — Му Жань томно потянулся всем телом.

Его просторное одеяние скользнуло с плеч, обнажив острые, пугающе хрупкие очертания ключиц и лопаток, в которых сквозила какая-то болезненная, завораживающая красота. Он бессильно опустил на низкую кушетку.

— Даньчжу наверняка в курсе? — спросил Хань Хэн.

— Вероятно. Или спроси у Сяо Дина. В этой Башне все заботы, от мала до велика, лежат на его плечах.

— Ты так завалил его работой, что у него просто физически не остается времени на тебя смотреть.

Му Жань на мгновение нахмурился, словно всерьез обдумывая эту мысль. Тем временем Хань Хэн уже направился к выходу. Подперев голову рукой, хозяин Башни задумчиво просмотрел оставленный прейскурант. Этот Хань Хэн всё сильнее напоминал ему одного старого знакомого — человека с непомерными амбициями, который когда-то поклялся во что бы то ни стало вернуться.

Му Жань рассеянно подцепил красным ногтем край бумаги, смял её и отпустил. Юноша свернулся калачиком на кушетке и мгновенно погрузился в полузабытьё.

Выйдя из комнат владельца, Хань Хэн отыскал Даньчжу, которая занималась регистрацией прибывших танцовщиц, и попросил показать списки кандидатов.

Две молоденькие служанки тут же суетливо накрыли на стол: одна заварила свежий чай, другая принесла тарелку со сладостями, после чего обе застыли неподалеку, робко косясь на гостя.

Хань Хэн прекрасно замечал их любопытные взгляды, но лишь мысленно усмехнулся. В прошлой жизни к чужому вниманию ему было не привыкать. Более того, Хань Хэн любил ловить на себе восхищенные взоры — грех скрывать столь редкую красоту. Когда его лицо полностью заживет, он уж точно заставит окружающих смотреть на него не отрываясь.

Он неторопливо просматривал исписанные листы, пока не заметил одно знакомое имя.

— Вот этот человек. Где он сейчас? — спросил Хань Хэн, указав пальцем на строчку.

Даньчжу присмотрелась к имени.

— Эти двенадцать человек из списка временно размещены прямо в Башне. Все они приезжие, из других провинций.

— И они безвылазно сидят здесь? Чем занимаются целыми днями? — Хань Хэн откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

Даньчжу слегка порозовела, не решаясь встретиться с ним взглядом. Лицо этого юноши казалось самым заурядным, но в каждом движении сквозила такая уверенность, будто он привык повелевать толпами. За время их недолгого знакомства девушка успела понять: этот человек не знает, что такое робость или смущение перед кем бы то ни было.

Она расправила плечи и тихо ответила:

— С утра у них обязательные тренировки — оттачивают базовые движения. После завтрака дается полчаса на отдых, затем — час занятий по вокалу и декламации. Нагрузка распределяется индивидуально, в зависимости от возраста и способностей.

— Значит, они под постоянным присмотром?

— Да, все их перемещения фиксируются у дверей. Если господину угодно, я могу принести журнал посещений.

Хань Хэн качнул головой:

— Пока не нужно, я просто спросил.

Ему не хотелось преждевременно поднимать шум. Нужно было понаблюдать и выяснить, какую игру ведет этот парень по имени Гун Кэ.

Стоило Хань Хэну подойти к воротам Сада Сюэ, как навстречу ему выбежала Хэ Тао — служанка, которую тётушка Юнь приставила к нему. Лицо её было бледным от волнения.

— Молодой господин! — взволнованно выдохнула она, на ходу отвешивая торопливый поклон.
— Госпожа с ног сбилась, разыскивая вас. Ступайте скорее к ней.

В последние дни Хань Хэн совсем забросил сыновний долг и навещал мать от случая к случаю. Тётушка Юнь, без памяти любившая сына, не только не выговаривала ему за это, но и регулярно присылала в его покои укрепляющие отвары и изысканные яства.

Хань Хэн почувствовал укол совести — он не видел мать уже двое суток.

— Что случилось? Не знаешь? — спросил он у служанки, ускоряя шаг.

— Пришло письмо из нашего поместья в Цюйчэне. Похоже, там стряслась какая-то беда, — ответила Хэ Тао, не поднимая глаз от земли.

— В Цюйчэне? — пробормотал Хань Хэн, решив расспросить обо всем саму тётушку Юнь.

Заметив, что лишних вопросов не последовало, служанка заметно приободрилась и облегченно вздохнула.

Когда Хань Хэн вошел в покои матери, тётушка Юнь сидела на кушетке, мерно перебирая четки. Услышав шаги, она открыла глаза. В первый миг в её взгляде сквозила растерянность, но она тут же сменилась твердостью.

— Матушка, — Хань Хэн подошел ближе и присел рядом на край ложа.

— Где ты пропадал?

— Ходил в Башню Слушания Лебедей, улаживал кое-какие дела.

Он вкратце рассказал ей о своем уговоре с хозяином заведения. Скрывать подробности не имело смысла, хотя точные суммы прибыли он пока не называл, упомянув лишь, что теперь имеет долю в доходах Башни.

Тётушка Юнь ласково погладила сына по руке, тихонько приговаривая слова одобрения, но в её глазах, наряду с гордостью, читалась глубокая тревога.

Наверное, все матери одинаковы: стоит чаду ненадолго отлучиться, как их любящие сердца начинают разрываться от беспокойства. К тому же в эту эпоху не было возможности поддерживать связь на расстоянии. Хань Хэн искренне привязался к этой заботливой женщине и почитал её как родную мать. В конце концов, он занял тело её сына, и хотя его вины в этом не было, подсознательно он чувствовал некоторую неловкость.

— Вот, возьми, здесь дорожные расходы, — тётушка Юнь пододвинула к нему завернутый в синюю ткань узел. — В нашем поместье под Цюйчэном беда. Несколько дней назад там случилось сильное наводнение. Водой смыло оросительные колеса, затопило уголья арендаторов, а двоих бедняков унесло бурным течением. Спасти их не удалось.

Она вздохнула, устремив на него исполненный нежности взгляд:

— Какое счастье, что ты наконец вернулся домой. Иначе я просто не знала бы, за что хвататься. Возьми с собой Би Гэня и Сун Саня, да выберите еще пару крепких охранников из усадьбы.

Хань Хэн опешил.

— Дело не терпит отлагательств, — продолжала тётушка Юнь, мягко поглаживая его по щеке. — Придется ехать в управу Цюйчэна, разбираться с чиновниками и как-то устраивать дела пострадавших семей. У меня под рукой нет надежного человека, которому можно доверить такое поручение. Но ты у меня теперь совсем взрослый: я вижу, как ловко ты ведешь счета, управляешь делами и понимаешь выгоду в торговле. Раз в доме больше нет мужчин, тебе и карты в руки. Ты ведь не откажешь матери?

Ехать в такую глушь Хань Хэну, само собой, не хотелось. За всё время пребывания в столице он ни разу не покидал её пределов и не горел желанием отправляться в путь.

— А где находится этот Цюйчэн? Далеко отсюда? — спросил он.

— На повозке в одну сторону — дней пять пути, не больше. Экипаж уже подан и ждет у ворот, время поджидает. Если тебе в тягость, я могу поехать сама.

Конечно, Хань Хэн не мог позволить слабой женщине пускаться в опасное путешествие в одиночку. Ему ничего не оставалось, кроме как согласиться, причем сделать это без малейшего колебания, чтобы не волновать мать.

Тётушка Юнь долго и пристально вглядывалась в его лицо, словно пытаясь запомнить каждую черточку. В её темных глазах блеснули слезы.

— Хороший ты у меня сын, — тихо произнесла она и крепко обняла его. — Назови меня так еще раз.

Хань Хэн невольно улыбнулся этой трогательной сентиментальности. Понять женщину было можно: сын бесследно пропадал несколько лет, и отпускать его снова в дорогу было для неё сущим мучением.

— Матушка, — ласково позвал он, умиротворяюще погладив её по спине.

Уточнив напоследок размеры выплат для пострадавших семей, Хань Хэн покинул её покои.

В узле оказалась солидная сумма: пачка крупных купюр и мешочек с серебряными слитками — без малого тысяча лянов. Мать велела выплатить по десять лянов за каждую оборвавшуюся жизнь, а выжившим крестьянам компенсировать недополученный из-за потопа урожай, чтобы те смогли пережить голодную зиму.

Хань Хэн надеялся дождаться Чжуан Линя, чтобы предупредить его об отъезде, но кучер торопил, заявляя, что нужно успеть выехать до закрытия городских ворот.

Тут вмешалась Хэ Тао:

— Молодой господин, сегодня утром из княжеской усадьбы приходил слуга. Его Высочество сегодня сопровождает Императора на большой охоте. Вернутся они в лучшем случае глубокой ночью, да и заедет ли он к нам — неизвестно.

Раз так, ждать не имело смысла. Хань Хэн велел собираться Би Гэню и Сун Саню, а также позвал стоявшего на страже в тени Цзячу.

— Поедешь со мной? — прямо спросил он телохранителя.

— Молодой господин приказал мне ни на шаг не отступать от вас, — почтительно отозвался тот.

— Тогда собирай вещи. Дорога неблизкая, вернемся недели через две, — Хань Хэн окинул взглядом его бессменное черное облачение. — Послушай, ты вообще когда-нибудь меняешь одежду? Кажется, ты всегда в одном и том же.

Цзячу растерялся и смущенно пробормотал:

— Каждое утро меняю, господин.

— Ну и ладно. Хватит прятаться по углам, в дороге веди себя как обычный попутчик. У меня тут не императорский двор, лишний церемониал ни к чему.

Обед прошел наспех, после чего повозка тронулась в путь. Перед самым отъездом Хань Хэн всё же решил оставить Чжуан Линю весточку. Он написал на клочке бумаги, что уезжает в Цюйчэн по делам усадьбы и вернется, как только всё уладит. Писать кистью он так и не научился — иероглифы выходили кривыми и кособокими, едва различимыми. В самый последний момент он шутки ради достал баночку с румянами, густо покрасил губы и оставил внизу размашистый сочный отпечаток поцелуя. Полюбовавшись делом своих рук, он прижал записку тяжелым нефритовым прессом в виде забавной собачки.

Служанки и конюх, наблюдавшие за этим художеством, дружно отвели глаза, стараясь не рассмеяться.

— Приглядывайте за ней хорошенько, чтобы ветром не унесло, — с ухмылкой напутствовал Хань Хэн Хэ Тао. — И передайте молодому князю, чтобы слишком сильно по мне не тосковал.

Потрепав служанку по плечу, он легко взбежал по ступенькам и скрылся внутри экипажа.

<http://bllate.org/book/20487/2238530>